

ГЕНЕРАЛ ПУТИЛОВ: ПОСЛЕДНИЕ 24 ЧАСА

Литературно-документальный очерк

Каждый, кто занимается историей нашего города, рано или поздно обнаруживает примечательный феномен, заключающийся в том, что скромный, далекий от «большой цивилизации» старинный Кузнецк (напомним, основанный в 1618 г. как приграничный форпост, он только к революции 1917 г. достиг четырех тысяч человек жителей) удивительным образом умел притягивать к себе, вплетая в судьбу города, людей неординарных, характерных, общероссийского, а то и общемирового масштаба, имеющих то, что в свое время наш самобытный историк Лев Гумилев назвал *пассионарностью* – великой космической энергией, сконцентрированной в устремленных к своей цели натурах. Среди них такие гиганты, как писатель Федор Достоевский, великий мастер доменного дела Михаил Курако, борец за свободу рабочего класса Виктор Обнорский и не один десяток других замечательных людей. Личность генерала Путилова, бесспорно, из этого же ряда.

В последние годы благодаря исследованиям местных историков (здесь, в первую очередь, необходимо назвать публикации научного сотрудника, ныне – директора музея «Кузнецкая крепость» Андрея Кауфмана, а также краеведа Евгения Кислякова) биография генерал-лейтенанта Павла Николаевича Путилова, особенно в ее «военном аспекте», изучена достаточно хорошо. Однако фактически «за кадром» остался последний, самый важный и интересный для нас кузнецкий период жизни Путилова. Это же справедливо и в отношении его личностной характеристики, мировоззрения этого человека. Смелый, отважный, русский патриот – вот, собственно, весь

небольшой арсенал эпитетов, которыми мы оперируем в отношении человеческих качеств Путилова. Такая ситуация во многом вызвана объективными факторами: наличием, точнее, отсутствием необходимых документальных материалов о жизни генерала после его отставки в 1911 г. К счастью, это обстоятельство относится в полной мере только к официальным бумагам, поскольку о «кузнецком» Путилове, его делах, словах и поступках стараниями краеведов собран определенный (к сожалению, его тоже нельзя назвать богатым) материал, позволяющий в какой-то степени восполнить существующий пробел в биографии знаменитого русского генерала-воина. В ряду источников, на основе которых подготовлен данный очерк, необходимо в первую очередь выделить мемуары Р.Т.Тагаева, письма Г.М.Кудашкина, воспоминания И.Ф.Вилисова, Р.П.Скрылева и некоторых других и, конечно же, комплекс материалов, собранных подвижническим трудом замечательного новокузнецкого краеведа Владимира Петровича Девятярова.

И последнее. В литературно-документальном очерке в силу его жанра неизбежны определенного типа реконструкции (они относятся, главным образом, к некоторым диалогам и размышлениям героев очерка), однако во всех без исключения случаях они основаны на достоверных исторических фактах (выявленных в ходе перекрестного сравнения описания одного и того же события в различных воспоминаниях, а также в немногих официальных документах) и выстроены в соответствии с реальными поступками персонажей.



Генерал-майор П.Н. Путилов (1905 г.)

Осень в 1919 году выдалась затяжной. К середине ноября первые ночные морозы еще перемежались с дневными оттепелями. Лед на Томи у Кузнецка был неустойчивый, ломкий, с большими прогалинами темной холодной воды. Но снежная переправа от Топольников к левобережью Томи была уже проложена: неширокая тропка, проворно огибая нагромождения колотых льдин, смело бежала к противоположному берегу, туда, где расположились старожильческие деревни Бессонова, Араличева и Бунгур. Здесь дорога разделялась. Как говорили местные жители: направо пойдешь – до Прокопьевска дойдешь (откуда можно было добраться до железной дороги, только что проведенной до станции Усяты), налево завернешь – на Алтай попадешь (через деревни Березовка, Таловая, поселок Томский, где некогда располагался первый в Кузбассе чугуноделательный завод, и большое село Тогул, сопоставимое по численности с самим Кузнецком). Именно на последней из этих дорог чаще всего можно было увидеть военных из кузнецкого гарнизона. Одеты в форменные френчи английского покроя, в серые шинели и желтые медвежьи меховые шапки, вооруженные трехлинейными винтовками и пулеметами «Кольт», они живописно смотрелись среди причумышской тайги. Однако вся эта экзотика имела свое прозаичное объяснение. Время было неспокойное. Шла Гражданская война.

Ночь с первого на второе декабря (с 18 на 19 ноября по старому стилю), такая же теплая, как и предыдущие, на первый взгляд казалась тихой и безмятежной. Снег большими белыми лопухами лениво падал на землю, скрадывая редкие звуки. Сквозь свинцовое небо, затянутое тяжелыми облаками, с трудом пробивался неяркий свет луны. Вот ее отблеск, нащупав редкий просвет, осветил невысокую фигуру человека в накиннутой на плечи форменной шинели с золочеными погонами. Человек стоял на улице Достоевского возле приоткрытых ворот усадьбы, слегка опираясь на стойку и внимательно вглядываясь в темный силуэт Кузнецкой крепости, возвышающейся над городом.

Это был отставной генерал-лейтенант русской императорской армии Павел Николаевич Путилов, уже несколько последних лет проживающий в Кузнецке. Путилов стоял с непокрытой головой, не обращая внимания на то, как мягкий снег покрывал пушистым платком его редующие седые волосы, облепляя усы и глаза. Мнимое спокойствие ночи не могло обмануть старого генерала. На его душе было тревожно. Некогда мирный и тихий Кузнецк вновь, как и в первое столетие своего существования, оказался в прифронтовой полосе. К осени 1919 г. Гражданская война достигла своего беспощадного всеразрушающего апогея, проявились все самые отвратительные гримасы междоусобья. Противостояние «белые – красные» выливалось в губительные



Улица Достоевского. Дом Путилова (третий справа)

карательные акции со стороны одних и не менее жестокие партизанские налеты со стороны других. Гуманистические лозунги о всеобщей свободе и братстве, пленявшие умы кузнечан в 1917-м, к концу девятнадцатого года сошли на нет, уступив место страху, озлоблению и жестокости.

Вот и сегодня ночью Кузнецкую тюрьму должны были «разгрузить» – расстрелять политзаключенных, содержащихся под стражей. А это ни много ни мало более пятидесяти человек. Среди этих последних были рабочие из Прокопьевска и с Новостройки, совдеповские активисты из Сосновки и Кузедеева, солтонские и бенжерепские крестьяне – все те, кто был замечен в антиколчаковских выступлениях и кого власти зачисляли в «большевики», не особо вдаваясь в партийные тонкости. Все эти люди так или иначе считались нарушившими закон, причем в условиях военного времени, и Путилов, сам до недавних пор бывший начальником кузнецкого гарнизона (верховным военным представителем власти Колчака на территории южной части Кузнецкого уезда), также причислял их к разряду преступников, подлежащих суду. Суду, который должен определить степень вины каждого. С этим Путилов был согласен. Но поголовный расстрел... Павел Николаевич тяжело вздохнул. Наступающие части красных на днях взяли Омск – «столицу» Колчака – и теперь неуклонно продвигались дальше на восток, все стремительнее приближаясь к Кузнецку. В этих условиях расстрел «политических» получал своего рода некое оправдание. Генерал понимал это, однако смириться с таким «решением проблемы» никак не мог. Его вновь, уже в который раз за последние месяцы, охватило тягостное чувство гнетущей пустоты. Он не смог бы точно сказать, когда впервые возникло это ощущение. Возможно, это произошло в тот памятный день 16 июня 1918 г., когда среди почти всеобщей эйфории и ликования по поводу бегства из Кузнецка членов Совдепа (Совета рабочих и крестьянских депутатов) и красногвардейцев в его душе, тоже наполненной искренним воодушевлением, вдруг прокатывалась волна какой-то неуловимой тоски.

Павел Николаевич хорошо запомнил этот яркий солнечный день. Череда драматических событий, предшествующая этому и связанная с последними днями советской власти в Кузнецке, тугой сжатой пружиной давила город. И вот теперь, сбросив это страшное напряжение, казалось, весь Кузнецк, словно прорвавшая плотину река, вылился на улицы и мощными потоками устремился на центральную – Базарную – площадь города. Разноликая шумная масса кузнечан была охвачена радостным волнением: ожиданием прихода парохода из Томска с белыми офицерами. Причина такого настроения большинства кузнечан, живших традиционной мещанско-купеческой жизнью, была проста. Советская власть, установившаяся в Кузнецке в марте 1918 г. в лице местного Совдепа во главе с председателем исполкома А.Г.Петраковым, была им непонятна и чужда. Уже почти сразу проявилось противостояние Совдепа и сторонников «белой идеи». Сам Путилов новую Советскую Россию признать, а тем более принять, не мог. Он, не скрывая своих симпатий, демонстративно ходил, как и раньше, в старом царском парадном мундире на все открытые для публики собрания в Народном доме, впрочем, уже не втягиваясь в политические баталии на сцене – там, где еще полгода назад он блистал в несколько наивных, но искренних по своей сути выступлений, неизменно заканчивающихся им же придуманным двустишием: «Хоть я ростом невелик – мне не страшен большевик».

Но при Совдепе его не арестовывали и не запрещали посещать собрания. То было короткое и романтическое время, когда местные большевики верили в ненасильственное переустройство мира. Впрочем, с убийством в начале июня казначея Совдепа (метили в председателя, но вечерний сумрак подвел засаду: схожий силуэт казначея Талдыкина приняли за Петракова) эта убежденность быстро прошла. Но Путилов не был причастен к этому убийству. Ему всегда претила политика «подковерной борьбы» и тем более убийства из-за угла. Он предпочитал идти по жизни прямо, смело глядя в глаза противнику. Чисто по-человечески ему даже нравился Петра-

ков: высокий и красивый, широкий в плечах, он был похож на былинного богатыря – такому бы в кавалергардах служить за царя и Отечество, а он ... большевик. После покушения на Петракова открытое теперь противостояние двух враждебных лагерей в итоге окончилось вчерашним уходом из города совдеповцев (с севера на Кузнецк наступали белые части), омраченным кровавой перестрелкой у казначейства...

Между тем часа за два до прибытия парохода из Томска начали звонить в большой соборный колокол, зазывая на площадь еще не подошедших сюда горожан, и к полудню здесь собралась уже большая часть Кузнецка. Местные дамы, одетые в свои лучшие наряды, под модными шляпками и солнцезащитными зонтиками превращали колышущееся людское море, заполнившее площадь, в красивый лоскутный ковер. Народ попроще стремился не отстать в демонстрации лучших образцов своего нехитрого облачения. Эта пестрая по одежде и составу толпа включала в себя кузнецких купцов и чиновников, священнослужителей и простых мещан, немногих офицеров и вездесущую детвору, заполнявшую своим гомоном уличное многоголосье.

Вот из Спасо-Преображенского собора вынесли иконы и хоругви, и вся масса кузнецан дружным крестным ходом направилась через торговую площадь к началу улицы Достоевского, чтобы там, свернув вправо напротив великолепного сада Попова, выйти к устью Картацкого ручья, где можно было перейти вброд мелешую в лето протоку Иванцевку и попасть в Топольники. Здесь вверху острова была оборудована летняя пристань, куда только что причалил пароход, доставивший томский батальон белогвардейских офицеров. Прибывшие военные спустились на берег, выстроившись в три роты во главе со своими командирами – поручиком Альдмановичем (он же начальник экспедиционного отряда), капитаном Суrowым и подпоручиком Латменизовым.

Недалеко от пристани кузнецкая процессия остановилась. От нее отделилась группа встречающих из трех человек. Впереди, гладко выбритый, шел местный богач, молочавый купец Максим Окулов, держа в руках на подносе большой белый каравай,

по бокам от него, чинно вышагивая, шли кряжистые кузнецкие купцы Алексей Фонарев и Петр Абрамов. Купцы-хлебодаеры приблизились к военным, им навстречу вышел Альдманович, принял у Окулова каравай, взмахнул им крестообразно по воздуху и громко произнес:

– Принимая из ваших рук преподнесенный нам дар божий как символ нашей победы, как символ доказательства вашей приветливой встречи, обещаем Кузнецкий уезд в два-три дня освободить от остатков красных банд.

Затем все три командира подошли к кузнецким священникам во главе с протоиереем Павлом Соколовым и, преклонив колено, по очереди поцеловали крест. Тут же запел стоявший за спиной иерарха соборный хор под регентством дьяка Торопова. С торжественным пением крестный ход повернул обратно. Построившись в колонны, роты офицеров стройными рядами последовали за кузнецанами на Соборную площадь. Здесь отряд военных произвел построение, образовав подобие буквы «С». Начался праздничный молебен, по окончании которого хор пропел благодарственную «Тебя, бога, хвалим».

На миг повисло торжественное безмолвие. В этой тишине стало отчетливо слышно, как генерал Путилов строевым шагом направился к офицерам. Альдманович скомандовал: «Смирно!», вышел вперед, вытащил из ножен шашку, поднял лезвием кверху перед собой и, встретив Путилова, рывком опустил лезвие к земле. Тут же доложил Путилову короткий рапорт и уступил ему дорогу. Генерал, подойдя ближе, зычно крикнул:

– Здравствуйте, господа офицеры! Благодарю вас за службу. Спасибо вам, молодцы, за освобождение Кузнецкого края.

Далее в коротких словах Путилов пожелал им здоровья, благополучия и успехов в победе. На все приветствия офицеры отвечали очень дружно и четко, в конце трижды грянули: «Ура!». После этого Альдманович скомандовал «Вольно!» и вдруг неожиданно для всех проделал эксцентрический трюк: он снял фуражку, передал ее рядом стоявшему Суrowу и, вытащив неведомо откуда кепку, водрузил ее себе на голову, прижал уши ладонями и, скосив, как клоун, лицо, подчерк-

нуто картаво прокричал: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Затем резко сбросил кепку и громко произнес: «Какая подлость, низость, пакость!». Такой прием политической сатиры из разряда эстрадных миниатюр в публичном исполнении офицера поверг кузнечан в полное недоумение, тем более что смысл карикатуры был понятен не многим. Кое-кто от изумления даже приоткрыл рот. Видя возникшую неловкость, Альдманович вновь скомандовал батальону «Смирно!» и продолжил:

– Господа кузнечане, докладываю вам, что в районе Черного этапа мы встретили ваших кузнечких краснозадых трусов, которые со словами «сдаемся» побросали все оружие. Часть из этих преступников мы расстреляли, остальных, воздав им должное шомполами и прикладами, отправили в тюрьму. Призываю вас вместе очистить родину от большевистской пакости. Еще раз спасибо за чистосердечный прием. Ура!

Кузнечане уже как-то недружно ответили «ура», подбрасывая кверху фуражки.

У Путилова враз испортилось настроение. Сославшись на нездоровье, он быстро покинул намечавшийся было офицерский банкет. Предчувствие гражданской войны острой болью жгло его сердце...

... Несколько одиночных винтовочных выстрелов, совсем не похожих на залп, разрежали ночную тишину города, выведя Путилова из задумчивого оцепенения. Он еще раз внимательно всмотрелся в декабрьскую темноту и быстро вернулся в дом.

...Обычно в просторном доме Пановой на Крепостной улице, занимаемом до последнего времени комендантским управлением, этой ночью было тесно и шумно. В здание и из него постоянно входили и выходили вооруженные люди, в центральном зале стоял нескончаемый шум, а растревоженный во дворе пес то и дело закатывался лаем, добавляя его в общую какофонию.

Собравшиеся в зале на втором этаже люди были «восстанщики», то есть те, кто всего пару часов назад совершили в Кузнецке антиколчаковский переворот. Теперь их костяк, организовавшись в штаб под

названием «Временный революционный комитет», горячо обсуждал создавшееся положение. Среди ревкомовцев было несколько военных из солдат местного гарнизона и пять-шесть гражданских лиц – бывших узников Кузнецкой тюрьмы, получивших освобождение в ходе переворота. Между ними выделялся невысокий плотный человек лет тридцати с широким скуластым лицом. Его громкий и твердый голос явственно звучал среди общего шума. Это был Афанасий Никифорович Иванов, бывший прокопьевский рабочий, только что выбранный председателем ревкома.

– Товарищи военные, – обратился Иванов к представителям кузнецкой местной команды и теперь уже бывшего колчаковского батальона, располагавшегося в Кузнецке, – сейчас ваша главная задача – прочистить город, вылавливать и арестовывать всю местную контрреволюцию, разбежавшуюся и попрятавшуюся в Кузнецке и его окрестностях. Оказывающих сопротивление расстреливать на месте. Товарища Губанова попрошу организовать оцепление города. Лично вам, товарищ Аржаных, – обратился Иванов к высокому смуглому унтер-офицеру лет двадцати двух из 11-й роты, – поручаю зачистку Нагорья. Вторая группа, – председатель повернулся в другую сторону, пытаюсь найти подходящую кандидатуру, – возьмет на себя Подгорье с Форштадтом и арест генерала Путилова. – Его взгляд остановился на молодом в черном овчинном полушубке солдате, который сразу, еще по ходу переворота понравился Иванову своей напористостью. – Как вас зовут, товарищ?

– Егор Лоншаков.

– Назначаю вас старшим этой группы. Вместе с Суховольским сформируйте отряд у себя в местной команде, отправляйтесь на квартиру Путилова и доставьте его в крепостную тюрьму. Начальником там теперь Иван Вилисов. Вы его знаете, бывший надзиратель.

Когда Лоншаков вернулся в расположение местной команды и передал приказ ревкома Ивану Суховольскому, тот окликнул стоявшую рядом группу солдат:

– Александр Петухов, Петр Потопаев, Тимофей Федоров, Филипп Тагаев, Павел Маслаков – за мной!

Здесь же в казарме проживали некоторые из солдат 11-й роты батальона. Иван подзвал двоих из них:

– Куртуков и Мартынов! Ребята, берите винтовки, пойдете с нами.

Небольшой отряд из девяти человек во главе с Е.Лоншаковым и И.Суховольским двинулся на улицу Достоевского к дому Хворова, где в зимнее время проживал на квартире генерал Путилов. Миновав здания пожарки и бывшей кузнецкой управы, военные остановились у деревянного одноэтажного дома. Уже наступало утро, но сумрак ночи еще не отпускал город. В окне зала горел свет.

Пройдя через незапертую калитку, группа оказалась во дворе усадьбы, где стояло несколько амбаров и просторная конюшня, готовая принять на постой не менее дюжины лошадей. Хозяин дома – Феофан Степанович Хворов – многие годы использовал свой дом как базовую резиденцию золотых приисков Балыксинской системы, организовывал их снабжение продовольствием и промышленными товарами. Но в последние годы Хворов овдовел, его дочь Татьяна окончила бийскую гимназию и вышла замуж, и, когда стало подводить здоровье (Хворов серьезно заболел туберкулезом, но сумел вылечиться от него), он значительно уменьшил объем своих тор-

говых операций и посчитал выгодным для себя предоставлять свой большой, но теперь совсем пустой и безлюдный семикомнатный дом на зиму генеральской чете.

Лоншаков со своей группой поднялись на крыльцо и через сени вошли в гостиную. Генерал, одетый в домашний мундир (без погон), сидел в мягком кресле за внушительных размеров столом. Прямо за ним возвышался большой, но изящный буфет. Здесь же недалеко от стола в центре зала стояла круглая оружейная пирамида, куда были помещены старинные ружья с резными прикладами и стволами из булатной стали.

На столе стояла початая четверть спирта и скромная закуска, но лицо Путилова было абсолютно ясным, а голос спокойным и четким.

– Чему обязан, господа?

Солдаты молчали. Казалось, от их решительности не осталось и следа. Переминаясь с ноги на ногу, они толпились у порога.

– Раз уж пришли, то прошу к моему шалашу. Я угощаю, – Путилов широким жестом обвел свой стол.

На лицах солдат по-прежнему читалось сомнение. Но вот Суховольский, скинув с плеча винтовку и направив ее на Путилова, сказал:

– Вы арестованы!



*Солдаты Кузнецкой местной команды. Осень 1919 г.
Стоит четвертый слева – Ф.Т. Тагаев, участник ареста Путилова*

Путилов не шелохнулся. Он сидел гордо, его глаза в упор, с презрением посмотрели на Суховольского.

— Кто имеет право меня, генерала, арестовать?! — Чувствовалось, как гнев и возмущение закипают в нем. И, обращаясь ко всем солдатам, продолжил: — Голодранцы вы все и клятвопреступники! Да еще хотите государством управлять. Ничего у вас не выйдет! Только Россию погубите.

— Генерал, — повторил Суховольский, — вы арестованы. Отдайте оружие.

— Вон мое оружие, — уже спокойно, указывая на стоявшую рядом пирамиду, сказал Путилов, — берите.

— Ну что ж, не хотите по-хорошему — дело ваше. Ребята, — обратился Суховольский к товарищам, — обыщите здесь все.

Осмелевшие солдаты разбрелись по дому.

— Встаньте, — приказали генералу. Тот встал. Суховольский и Лоншаков, приблизившись вплотную к генералу, начали его обыскивать. Путилов стоял спокойно, ничем не выдавая внутреннее волнение. При нем обнаружили наган и золотые часы, которые Лоншаков тут же незаметно для всех переложил к себе в карман.

Из буфета изъяли маузер в большой и красивой деревянной кобуре.

Взяв переносной керосиновый фонарь, Маслаков с Потопаевым спустились в каменный подвал дома. Спустя десять минут оттуда выбежал возбужденный Потопаев.

— Иван, — обратился он к Суховольскому, — там целый арсенал, 15 трехлинейных винтовок. Все новехонькие, еще в масле. И несколько ящиков патронов. И, представляешь, спирту несколько четвертей! Вот отпразднуем.

Но радость Потопаева была недолгой. Вернувшийся Маслаков подтвердил сказанное на счет винтовок и добавил, что спирт он во избежание возможных пьяных эксцессов уничтожил, разбив бутылки. Возникшая после его слов немая сцена была достойна пера Гоголя, после которой с криком и кулаками на Маслакова были готовы наброситься практически все. Спас его от расправы все тот же Суховольский.

— Отставить! — громко крикнул он. — Мартынов и Куртуков, отправляйтесь за подво-

дой. Доставите оружие и патроны в расположение своей 11-й роты, доложите об этом Аржаных. Остальные в конвой. Выполнять!

Накинувшего шинель Путилова вывели из дома. При выходе он почувствовал, как сильно заломило у него в затылке, пульсирующая кровь громким эхом отдавалась в висках — старая японская контузия левого темени предательски дала о себе знать. Генерал широко вдохнул свежий с легким морозцем воздух, но от этого ему стало только хуже. Голова закружилась, и, чтоб не упасть, он ухватился за стойку забора и присел. Неожиданно подступившая тошнота подкатила к самому горлу...

Отершись свежим снегом, Путилов поднялся и сказал:

— Я готов.

Конвой вышел на улицу и через Базарную площадь, мимо закрытых торговых лавок направился к крепостной тюрьме. На их недолгом пути им попалось несколько групп весьма подозрительных личностей. По городу активно сновали мародеры и выпущенные из тюрьмы уголовники.

Уже через полчаса позади Путилова раздался грохот запираемой камеры. Павел Николаевич осмотрелся по сторонам. Через небольшое окно пробивался утренний рассвет, заполняя тусклым светом помещение. Камера была ему знакома, как была она знакома практически всем горожанам. Трудно было найти кузнечанина, который хоть раз в жизни не побывал в этих застенках. И в этом не было ничего необычного. Дело в том, что в этой камере руководство тюрьмы ежегодно устраивало «день открытых дверей». Такие странные, на первый взгляд, экскурсии объяснялись достаточно просто: по давней, глубоко укоренившейся в сознании кузнечан традиции считалось, что в этой камере провел несколько лет в заточении русский писатель Федор Михайлович Достоевский. Трудно было доподлинно сказать, откуда взялась эта легенда, но со временем она обросла «подтверждающими фактами». Эта местная достопримечательность неизменно притягивала к себе внимание всех гостей города, а также местных жителей, для удовлетворения любопытства которых и устраивались в определенные дни «паломничества» в Кузнечскую крепость. После ре-

волюций 1917 г. такие хождения получили еще и политическую окраску.

Камера, считавшаяся одиночной, была небольшой, но не тесной, с широкими деревянными нарами на двух человек. Рядом стоял невысокий массивный столик с табуретом. Этим начиналась и заканчивалась вся нехитрая обстановка камеры. Пол был выложен плитами (в остальных камерах был обычный деревянный настил), что вкупе с кирпичной кладкой стены и обитой железом дверью придавало этому и так невеселому жилищу, несмотря на высокие потолки, вид каземата.

Путилов присел на голые нары. Свернутый матрац с подушкой лежали здесь же в углу. Напряжение и нервное волнение, связанные с арестом, вдруг враз спали, и генерала охватила слабость. Нарастающая тоска заполняла его душу, не давая сосредоточиться и осмыслить свое положение. Неожиданно сильно заняла нога.

Павел Николаевич застудил ноги еще в молодости. В 23 года, будучи зеленым подпоручиком, он принял участие в первой своей боевой кампании – находился «в делах и походах» против турок в 1877-1878 гг., в той самой знаменитой русско-турецкой войне, которая освободила балканские народы от османского ига и низвела Оттоманскую империю до уровня второразрядных держав. Путилов сражался храбро, дерзко, командуя пятой ротой (цифра «пять» еще не раз будет отмечена в его судьбе) лейб-гвардии Гренадерского полка в Западном отряде

знаменитого полководца генерала (в будущем – фельдмаршала) Гурко, внося свой весомый вклад в победы русского оружия под Горным Дубняком, Этрополем и Филиппополем. Оттуда первые высокие награды: два ордена Св.Анны, орден Св.Станислава, да непростые, а с мечами и бантом, с надписью «За храбрость». Но особенно был дорог Путилову «маленький владимир» (орден Св.Владимира IV степени) за, как было сказано в его послужном списке, «отличие в делах на Балканах». За этими скупыми словами – огромный тяжкий ратный труд. В декабре 1877 г. после месячной перестрелки на Златицком перевале Гурко начал свой стремительный и победный зимний переход через Балканы. Но эта героическая победа далась ох как нелегко. Преодолевать высокие скалистые горы пришлось при сильном морозе, ветре и вьюгах по обледенелым тропам. После выхода на забалканский плацдарм и взятия крепости Татар-Базарджик предстояло форсировать реку Марицу – широкую водную преграду. Переправляться через нее пришлось вброд в январской студеной воде во время сильного ледохода. Времени обсохнуть и согреться практически не было – рота Путилова вместе с другими частями генерала Гурко сразу вступила в бой за город Филиппополь (современный болгарский г. Пловдив) – последний османский оплот на пути к Константинополю. В три дня турецкие войска Сулейман-паши были разбиты, а через месяц Путилов вместе с русскими войсками входил в предместье древнего



Вид на тюремный двор. Фото 1913 г.

Царьграда – теперь столицы Османской империи. Павел Николаевич прошел всю турецкую кампанию без единого ранения, но вот застуженные ноги, о чем он и не вспоминал в молодые годы, все чаще и чаще стали беспокоить старого генерала.

Сняв сапоги и растерев ноги, Путилов пожалел, что при аресте не надел валенки. Еще с японской кампании он проникся уважением к этой традиционной простой русской обуви, сам с удовольствием носил ее и считал незаменимой в суровом сибирском климате. Особенно убедился он в этом, когда в январе 1905 г. в полевые лазареты с передовой начали доставлять бойцов с обмороженными ногами. Путилов был рад, что в современной армии Колчака вообще и в кузнецком гарнизоне в частности вопросу «пимообеспечения» солдат уделялось самое пристальное внимание. В самом Кузнецке подряд на изготовление валенок для военных взял крупнейший в городе пимокат Тит Макарович Самойлов. Заказ был очень солидный. И для заготовки войлока Самойлов ездил по окрестным деревням, скупая у жителей овечью и коровью шерсть. При этом Самойлов, чувствуя за собой поддержку военных властей, действовал напористо, зачастую грубо, а в деревне Новорождественка (Киня) и вовсе конфисковал всю шерсть, чем вызвал против себя всеобщее озлобление киневских мужиков. Путилов почти не сомневался, что теперь, воспользовавшись переворотной заварухой, они захотят жестоко отомстить ему.

Месть и жестокость стали обычными спутниками нашей жизни, подумал генерал, возвращаясь мысленно к тем дням, когда все только начиналось...

...2 июля 1918 г. идущий из Томска двухпалубный пароход «Китай» под бело-зеленым флагом Сибирского временного правительства прибыл в Кузнецк, остановившись на пристани в Топольниках. На покрытую дрсевой землю с борта был сброшен трап. Началась выгрузка. По трапу среди немногих пассажиров сошел и человек в блестящих хромовых сапогах и серосуконной летней походной шинели, под которой угадывался офицерский китель. На вид человеку было

лет 25-27, уверенные движения выдавали в нем властный и решительный характер.

Спустившись на пристань, он огляделся. В Кузнецке специальных извозчиков никогда не было, но гостя, очевидно, уже ждали. Кучер конного экипажа, стоявшего поодаль, увидев фигуру военного, тут же подал ему свой ветхий тарантас.

– К генералу Путилову, – распорядился приезжий, садясь в экипаж.

Кучер поддал вожжами, причмокнул, погоняя своего бегунка в сторону города. Выехав с Топольников на улицу Достоевского, экипаж повернул вправо в направлении Форштадта, и не доезжая до свертка на Фроло-Лавровский переулок, спустился вновь к Иванцевке. Деревянный мостик через неглубокий ров обозначал границы протоки, ныне, в июльскую жару, совсем пересохшей. Оставив метрах в ста позади себя мостик, тарантас въехал в широко открытые ворота путиловской дачи.

– Приехали, – сказал кучер, натягивая поводья.

Всю дорогу пассажир не проронил ни слова. Выйдя из тарантаса, он сбил с шинели дорожную пыль и направился к крыльцу дома, на пороге которого только что показалась фигура самого Путилова. Подойдя к генералу, незнакомец встал по форме и представился:

– Подполковник Пепеляев.

– Анатолий Николаевич, если не ошибаюсь?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Рад встрече, – сказал Путилов, протягивая руку. – Имел честь быть знакомым с вашим батюшкой.

Пепеляев почувствовал, как внутреннее напряжение, все это время давившее его, стало спадать.

– Наслышан о ваших подвигах, – продолжал генерал. – Не думайте, что я здесь живу отшельником: за своими однокашниками – вы ведь «павлон», – в ответ на этот вопрос Пепеляев утвердительно кивнул, – так вот, за выпускниками моего родного Павловского училища я слежу особенно внимательно. А ваша недавняя решительность в Томске, когда вы лихо опрокинули большевиков, заслуживает только восхищения.

– Собственно, об этом я и хотел поговорить, господин генерал-лейтенант.

– Подполковник, прошу вас в дом, – пригласил гостя Путилов.

Оказавшись в большом зале, приезжий офицер невольно залюбовался обстановкой. Старинное оружие, мастерски подобранное, украшало центральную стену гостиной. Здесь же возвышался манекен, одетый в традиционные доспехи японского самурая. Добротная резная мебель и картины в золоченых рамах, среди которых Пепеляев заметил работы И.Е.Репина и В.В.Верещагина, дополняли интерьер. Гость не смог сдержать возгласа восхищения:

– Прекрасная коллекция!

– То, что касается оружия, то здесь только часть. Основное развешено внизу, – ответил польщенный генерал.

– Ваше превосходительство, – продолжил Пепеляев, расстегнув шинель и сняв фуражку с бело-зеленой ленточкой наискось околыша, – не буду отнимать у вас время и сразу перейду к делу. Как вам должно быть известно, в настоящее время под моим командованием находится Средне-Сибирский армейский корпус. Сейчас, когда практически вся Западная Сибирь очищена от красных, мы ведем бои с большевиками за город Иркутск. Моя задача в Кузнецке состоит в следующем. Во-первых, сформировать боевой отряд путем мобилизации всех офицеров и военных чиновников, а также широкого привлечения граждан, не запятнавших себя нравственно и изъявивших искреннюю готовность преданно служить идее народовластия, осуществляемой Временным сибирским правительством. Этот отряд войдет в действующую армию и будет направлен на иркутский фронт для подавления все еще держащихся там большевистских властей. Во-вторых, скоро, не позднее конца июля, будет объявлено о всеобщей мобилизации в Сибирскую армию лиц 1898-1899 годов рождения. Во всех городах, в том числе и Кузнецке, будут созданы местные воинские команды, – Пепеляев сделал паузу. – Предлагаю вам взять на себя начальство над кузнецким гарнизоном.

Путилов не спешил с ответом.

– Все русские патриоты откликнулись на наш призыв, – Пепеляев начал горячиться. – Борьба с большевизмом – сей-

час это общая задача для всех без скидок на возраст и прошлые заслуги.

– Подполковник, – взвешивая каждое слово, промолвил Путилов, – не нужно играть на чувствах. Мои принципы за последние полвека не изменились. Я честно воевал за веру, царя и Отечество и никогда не изменял своей присяге. Я с болью узнал об отречении царя и весьма скептически относился ко всем этим модным ныне идеям о народовластии. Но когда к верховенству пришли большевики и встали на колени перед германцем, я не мог оставаться в стороне от судеб своей родины. Вы знаете, что здесь в Кузнецке я полностью был на стороне нашего антибольшевистского подполья. Но я отлично понимаю, что, начав борьбу с большевизмом, идеями которого пропитана даже Сибирь, мы ввергаем Россию в пучину гражданской войны. И сколько будет пролито крови, заметьте, русской крови, одному Богу известно.

– Другого выхода нет.

– Вероятно, вы правы, – задумчиво произнес Путилов, обращаясь, скорее, к самому себе, чем к подполковнику. – Мы все ответственны за то, что случилось. Теперь нужно идти до конца. – И на этот раз твердо и четко генерал добавил: – Я готов принять на себя обязанности начальника кузнецкого гарнизона.

Казалось, Пепеляев только и ждал этого ответа.

– Очень рад вашему решению, господин генерал-лейтенант, – сказал он, надевая фуражку. – Честь имею!

– Честь имею!

Пепеляев поспешил вниз к задремавшему было кучеру, живо вскочил в тарантас, и экипаж той же дорогой быстро поехал обратно. Путилов стоял у окна, глядя вслед удаляющемуся облаку пыли. В гостиную вошла супруга генерала Прасковья Александровна. «Павлуша!», – окликнула она его дважды. Но генерал, казалось, не слышал ничего вокруг. Он неотрывно смотрел в окно, в глубокой задумчивости разглаживая свои легендарные усы.

А.Н.Пепеляев пробыл в Кузнецке еще два дня и четвертого числа с ротой добровольцев в количестве 150 человек под командованием новоиспеченного капитана Бориса Николаевича Пермикина (бывшего крестьянского

начальника) на том же пароходе «Китай» выехал обратно в Томск. Среди провожающих, отчаянно махавших платками уплывающим мужчинам, стояла жена Пермикина Наталья Авксентьевна, одна из многих будущих жертв кузнецкого «кровавого декабря» 1919 года...

– Война это всегда разлука, – промолвил Путилов, отмеряя шагами бесконечный периметр камеры и не заметив, как произнес свои мысли вслух, – разлука с семьей, с любимыми людьми.

Между тем семейную жизнь Путилова нельзя было назвать счастливой. Будучи по происхождению дворянином Санкт-Петербургской губернии, он, тем не менее, не имел никакой недвижимости и всю жизнь был вынужден рассчитывать только на свое офицерское жалованье. Женился Путилов, когда ему было уже за тридцать, на дочери небогатого коллежского советника Григория Цыкина – девице Валентине, а 13 января 1887 г. у них родилась первая и единственная дочь Мария. Вероятно, походная жизнь строевого офицера мало способствовала налаживанию семейного быта. Павел Николаевич и Валентина Григорьевна все больше и больше отдалялись друг от друга. «Домашние обстоятельства» во многом определили решение Путилова уйти в отставку в 1911 г., хотя ему исполнилось только 57 лет и он вполне мог оставаться на действительной службе.

Последние годы своей военной карьеры Павел Николаевич провел в Приамурье, поэтому неслучайно, что первое время после отставки он жил в Хабаровске. Возможно, он так бы и оставался там доживать свой век в одиночестве, если бы судьба не послала ему тот редкий дар, который случается только с живыми и искренними людьми. Он встретил свою настоящую любовь. Пасковья Александровна, его Паша, сама в прошлом познавшая все тяготы военной жизни, служа сестрой милосердия в полевом госпитале, озарила своим мягким светом, своей лаской и заботой последние годы жизни старого генерала.

И вот теперь, будучи «запертым в клетке», Путилов чувствовал, как нарастающее беспокойство за ее судьбу все больше и больше охватывает его.

Вместе с Пасковьей Александровной Путилов обосновался в столице Алтая – Барнауле, крупном сибирском центре, где местное высшее общество старалось копировать петербургские манеры. Во всей этой светливой повседневности, присущей большому городу, Путилов не находил в отношениях живущих здесь людей столь милой ему душевности, а главное, не будучи официально в разводе, чувствовал, что его тесные семейные отношения с Пашей волей-неволей вызывали претящие его открытой натуре пересуды. Путилов стал подумывать о переезде в другое место. Небольшой провинциальный Кузнецк показался ему идеальным вариантом.

О Кузнецке генерал знал уже давно, еще со времен русско-японской войны. Один из офицеров Путилова, служивший в японскую кампанию в его 5-й Восточно-Сибирской бригаде, подполковник Владимир Яковлевич Куйбышев как-то во время боя получил ранение и был демобилизован из действующей армии. По выздоровлении в апреле 1905 г. его назначили в Кузнецк уездным воинским начальником, куда он вместе с женой и младшими детьми прибыл 28 августа. В общем-то, не так уж и долго служил Куйбышев под начальством Путилова, и будь подполковник заурядным офицером, не было бы ничего удивительного, если бы между ними в дальнейшем прервалась всякая связь. Но Владимир Яковлевич был человеком в высшей степени примечательным. Прямой, открытый, смелый солдат и вместе с тем умный и тонкий интеллигент В.Я.Куйбышев, сочетающий в себе прирожденную физическую силу и природную же мягкость, умел располагать к себе людей и оставлять в их душе самые светлые воспоминания. В силу этого Путилов, и без того с искренним вниманием относившийся к судьбам боевых товарищей, старался не потерять из виду своего сослуживца. Именно тогда от него Павел Николаевич узнал о существовании тихого и живописного Кузнецка, уютно, словно городок в табакерке, расположившегося на трех террасах правобережья реки Томи. Если бы не проблемы со средним сыном Валерианом, втянувшимся в антиправительственную деятельность и даже попавшим под военно-полевую суд, Владимир Куйбышев, возможно, не был бы так скоро, уже в декабре

1906 г., перемещен из Кузнецка в Канск. К сожалению, судьба отмерила ему слишком короткий срок, и в 1909 г., не дожив до полувекового юбилея, В.Я.Куйбышев, будучи на службе уже в Тюмени, умер.

Вспоминая об этом, Путилов тяжело вздохнул. Да, старые друзья, боевые товарищи, все те, кто нам дорог, всегда уходят слишком рано. А за тех, кто уходит в расцвете лет, становится особенно горько. В который уже раз, как пленку в новомодном иллюзионе, Путилов прокручивал в памяти свою боевую жизнь, где всегда яркой ослепительной вспышкой вставал вечер 3 октября 1904 г. Старого генерала всегда поражало, насколько ожидание того, что будет во время войны с Японией, отличалось от будущего реально положения дел. «Шапкозакидательские» настроения были присущи не только рядовому составу, но и высшим офицерам Генерального штаба. На деле же пришлось столкнуться с хорошо обученной в лучших германских военных традициях современной во всех отношениях японской армией. Самураи сражались грамотно, не уступая, а зачастую и превосходя в боевой выучке русского солдата. Тяжелые бои в Маньчжурии сковали русскую армию, не давая выйти ей на оперативный простор. К осени 1904 г. особо тяжелые бои развернулись возле речки Шахэ, на подступах к которой – открытом и незащищенном от обстрела поле – важное стратегическое значение занимали две сопки. Для дальнейшего продвижения всей армии было крайне важно взять и удержать эти высоты. Пятой стрелковой бригаде Путилова, которую не раз в оперативных приказах именовали ударной, предстояло силами двух ее полков взять штурмом одну из возвышенностей. Вечером 3 октября в наступающих сумерках Путилов повел своих бойцов на взятие сопки. Штыковой бой был яростным и жестоким. Путилов потом всегда с большой теплотой вспоминал офицеров-«тихомировцев» Мишу Зозулина и Василия Мухина, которые со своими ротами отчаянно ворвались на японские позиции, овладев вражескими батареями, и последним «прости» поминал поручика Сашу Александрова, первым бросившегося на вражеские заслоны и поднятого на японские штыки; капитана-«павлона» Ваню Шульце и всех 15 офицеров и 524

«нижних чина», что пали смертью храбрых и своей жизнью приблизили победу товарищей при взятии сопки, ставшей теперь Путиловской. Пятнадцать трофейных горных орудий красноречиво свидетельствовали о том, насколько плотно была «заряжена» эта небольшая возвышенность.



Путиловская сопка. Фото 1912 г.

Интересно, что Путилов в ходе крупных сражений японской кампании, где участвовала его бригада и приданные ему соединения, будь то Ляоян, Шахэ или Мукден, при неудачном в целом для русского оружия исходе боев, сумел отличиться значимыми победами в каждом из них. В чем же секрет путиловского военного успеха? Как писал в своих мемуарах известный русский генерал «генштабист» А.А.Игнатьев, «Путилов на вид казался простаком, но в глазах его светилась сметка». И действительно, в каждом поединке с противником Путилов действовал не только хладнокровно и решительно, но и, как правило, нешаблонно, как, например, при прикрытии отступления наших войск у Ляояна, делая ставку как на собственный опыт и интуицию, так и на храбрость и выучку своих бойцов. Бойцов, которые ради Путилова могли пойти на то, чего они, возможно, и не сделали бы для другого командира. Почему? Потому что забота о подчиненном – офицере и солдате, совместное переживание всех тягот фронтовой жизни были для

Путилова не формальными установками, а руководством к действию. Может показаться удивительным, но Павел Николаевич помнил не только всех своих офицеров, но и каждого «унтера», вплоть чуть ли не до рядового солдата, с кем он в страшной штыковой атаке в одном ряду брал заветную сопку и с кем потом долгие месяцы отбивал ожесточенные японские атаки, волна за волной накатывающие на завоеванную высоту.

...Вновь мысли Путилова вернулись к Кузнецку. После переезда в Барнаул он не раз здесь сталкивался с кузнечанами, которые по своим служебным либо торговым делам нередко бывали на Алтае, расспрашивал их о городе. Как раз в то время, когда Павел Николаевич подумывал о переезде, он познакомился с отставным чиновником из Кузнецка коллежским секретарем (это был гражданский чин X класса) Павлом Павловичем Сычевым. Тот вместе с женой Софьей Ивановной проживал на отдельно стоящей от остальных строений Кузнецка усадьбе, которая располагалась на своеобразном острове, образуемом рукавами Иванцевской протоки и рекою Тотьмою. Сычевы жили богато, с достатком, имея хороший доход от паромной переправы через Томь да плюс к этому Пал Палыч откупал у городской управы право на производство рыбной ловли возле города, нанимал мужиков и те сетями натаскивали неизменно солидный улов. Однако Павел Николаевич сумел заинтересовать кузнечкого тезку своей ценой, благо вопрос с генеральской пенсией, об увеличении которой Путилов хлопотал последние полтора года, в январе 1913 г. получил свое положительное решение. Располагая теперь доходом в 3840 рублей в год, Путилов мог позволить себе крупные приобретения недвижимости. Собственно, Павел Николаевич покупал себе не столько сычевский дом, сколько прекрасное место, которое тот занимал. Путилов сразу решил, что на своей новой усадьбе он все устроит по своему вкусу.

Перебравшись зимой 1914 г. в Кузнецк, Павел Николаевич с Прасковьей Александровной вначале поселились у Ф.С.Хворова, известного Путилову по Барнаулу, а уже весной генерал полным ходом развернул строительные работы на усадьбе Сычева. Нанятая им бригада кузнечких плотников

в составе опытных Мартемьяна Зарубина, Александра Чижкова, Кирилла Епанчинцева и еще нескольких работала быстро, с огоньком, довольная редкой удачей – повернувшись в Кузнецке большому заказу. Для начала старый дом и длинные навесы, используемые для разделки рыбы, а также прочие надворные постройки были разобраны до основания. На этом месте по указаниям Путилова был возведен просторный, в шесть комнат (не считая подсобных помещений), одноэтажный деревянный дом на высоком каменном фундаменте из дикого камня, с большим полуподвалом. Верх заняли гостиная, кабинет и спальня генеральской четы, внизу разместили кухню, комнаты для прислуги и особую залу для путиловской коллекции оружия. Дом из хорошего строевого леса получился прочный, особенно его украсили резные оконные наличники, любовно вырезанные местными умельцами. Рядом на усадьбе поставили амбар, коровник и конюшню.

Павел Николаевич не был заядлым лошадиником, но коней он любил. Здесь в Кузнецке он держал первоклассного выездного скакуна, не раз поражавшего кузнечан своими скоростными способностями. Путилов почти не ездил верхом из-за болей в спине, но он не мог отказать себе в удовольствии разогнать своего Воронка, запряженного в кошеву, да так, что мимо изумленных зевак проносилось лишь взвихренное снежное облако. Когда в Кузнецке в 1918 г. оказался на легковом автомобиле сам Михаил Константинович Курако (его пригласила для проектирования металлургического завода около Кузнецка небезызвестная компания «Копикуз»), Путилов не преминул воспользоваться шансом посоревноваться в скорости с его «железным конем», и как ни старался Коляда – водитель авто – генеральский иноходец ни на корпус не отстал от «четырёхколесной лошадки».

Ночь переворота подходила к концу, но тревоги и сомнения в штабе восстанщиков только усиливались. Что предпринять дальше? Откуда ждать ответного удара со стороны колчаковских войск, которые, без сомнения, перегруппировавшись и

подтянув из ближайших сел – Брюханово, Бочаты – подмогу, предпримут попытку вернуть под свой контроль важный во всех отношениях Кузнецк? Военные ратовали за переброску на кузнецкую крепость оружия и продовольствия, чтобы в случае неблагоприятного исхода восстания занять там круговую оборону. Председатель ревкома Афанасий Иванов был категорически против такого решения.

– Я утверждаю, – в который уже раз повторял он, – что сейчас вся наша надежда только на партизан Рогова. Это единственная сила, которая сможет обезопасить нас от возможного прорыва.

Один из руководителей восстания молодой унтер-офицер 11-й роты Василий Аржаных начал горячиться:

– Ты, товарищ, похоже, не вполне понимаешь, о чем говоришь. Весь наш батальон и местная команда не раз посылались на уничтожение партизан. В роговском отряде не меньше тысячи человек, и если Рогов войдет в Кузнецк, то начнется такая бойня, по сравнению с которой возвращение колчаковской власти покажется цветочками.

Его полностью поддерживали представители из других рот. Штатские из числа ревкомовцев – Мокрецов и Колтунов – заняли выжидательную позицию.

Несмотря на эти веские возражения, Иванов по-прежнему настаивал на своем плане. Наконец после долгих споров было решено все же пригласить в Кузнецк партизанский отряд Григория Рогова, а большую часть солдат кузнецкого гарнизона за день до его прибытия вывести из города в противоположном направлении. Этим достигалось две цели. Во-первых, исключалась возможность непосредственного столкновения партизан со своими бывшими карателями, а во-вторых, кузнецкий отряд, представляющий теперь серьезную антиколчаковскую силу, мог стать ударной группировкой против белых в центре Кузбасса.

...Егор Куртуков, участвовавший в аресте и доставке оружия с квартиры Путилова, после выполнения задания собирался отдохнуть в своей роте. Сняв шинель, но не раздеваясь, Куртуков прилег на койку. Усталость нервной бессонной ночи ододела его, и он сразу заснул.

– Егор Лукич, – Куртуков почувствовал, как кто-то теребит его за плечо. Открыв глаза, он увидел, что над ним склонилась фигура Аржаных. – Егор Лукич, ты же с Алтая, мартыновский?

– Мартыновский, – утвердительно кивнул тот.

– Вставай, есть задание.

Куртуков, на ходу надевая шинель и мохнатую овечью шапку, вышел во двор. Зимнее утро робким рассветом освещало здание казармы 11-й роты, приспособленное под эти цели из бывшего каменного магазина купца Окулова. Во дворе стояло несколько человек. Некоторых из них Куртуков хорошо знал: Митрофан Князев, Афонин, Дехтярев, Соснин... Всего семь человек. Куртуков восьмой. Здесь же стояли приготовленные верховые лошади.

– Товарищи, – обратился Аржаных к стоявшим, – вашей группе поручается важное задание. От имени ревкома в качестве делегатов нашего гарнизона вы посылаетесь в район села Тогул для связи с партизанами отряда Рогова и приглашения их в город для помощи. Куртуков назначается старшим.

Уже через десять минут небольшой отряд всадников, спустившись с взвоза возле собора и перейдя реку, во весь опор скакал по дороге в Бессоново, чтобы, миновав окрестные деревни, выйти на Тогул.

Одновременно вторая группа кузнечан из числа восставших солдат была послана в партизанский отряд Толмачева, замеченный накануне в юго-западном направлении в нескольких десятках верст от Кузнецка.

Путилов не заметил, как задремал. Разбудил его скрежет отпирающих замок ключей и резкий дверной скрип. Из-за спины надзирателя, стоявшего в коридоре, появился баландер, разносящий нехитрый тюремный обед. Еще до переворота при тюремной кухне жили два повара из числа пленных австрийцев. Судя по всему, теперь они также продолжали исполнять свои прежние обязанности, совместив их на время со службой баландера – разносчика пищи.

– Послушай, братец, – обратился генерал, – сколько сейчас времени?

– Ровно шесть вечера, ваше превосходительство, – на хорошем русском ответил австриец.

– А число? – Путилову показалось, что он проспал целые сутки.

– А это как считать, ваше превосходительство. Если по-вашему, православному, то девятнадцатое ноября, а если по-нашему, католическому, то второе декабря.

«Теперь все считают по католическому», – подумал Павел Николаевич, имея в виду введение нового стиля советским правительством. Возникла пауза. Путилов подошел к повару, взял с тележки налитый котелок супа, миску каши и кусок ржаного хлеба. Австриец стоял, не шелохнувшись.

– Ну, ступай, ступай, – сказал ему генерал, садясь за стол.

Австриец молча вышел, закрыв дверь, а вместе с ним и луч света от керосинового фонаря в коридоре, из которого еще какое-то время раздавались шаги удаляющегося надзирателя и повара с тележкой. Вскоре камера погрузилась в тишину и полумрак, а вместе с нею вновь, почти невольно, незаметно для себя и сам Путилов погрузился в воспоминания, радостные и грустные, светлые и печальные – разные, но всегда памятные, словно в открытом поле маячащие за спиной пройденные верстовые столбы.

Годы, проведенные в Кузнецке, были, пожалуй, самыми счастливыми в его жизни. Здесь в благодатном уголке ставшей ему родной Сибири Путилов нашел свое вдохновение, свое семейное счастье. Здесь он пустил корни, стал настолько своим для кузнецчан, что как-то само собой те стали называть район его дачи «путиловским островом», здесь он обзавелся новыми знакомствами, причем зачастую весьма любопытными. Так, вскоре после приезда он близко сошелся с одним глубоким, но на редкость крепким стариком Петром Андреевичем Кашиным, которому к моменту знакомства с генералом исполнилось уже 109 лет. Этот уникальный человек, простой русский солдат, в молодости служил в Санкт-Петербурге при охране Сената, был свидетелем известного выступления декабристов 1825 г. Путилов всегда с большим вниманием и интересом слушал рассказы старика о былом времени, любил бывать в его небольшом домике

в Слободке на Профессиональной улице, поддерживая добрым словом и деньгами заслуженного ветерана.

Большой удачей для Путилова стало знакомство с уездным воинским начальником Зволинским, который в 1916 г., сменив на этом посту Николая Сухова, прибыл с женой в Кузнецк. На первый взгляд, трудно было найти более разных людей. В отличие от невысокого поджарого генерала подполковник Зволинский отличался внушительными габаритами, обладал зычным басом и огромной физической силой. Путилова всегда удивляло, с какой легкостью подполковник, наблюдающий за строевой подготовкой гарнизона и выведенный, бывало, из себя неумением какого-либо солдата выполнить команду, мог схватить за руку такого нерадивого бойца, спокойно приподнять его над землей и поставить на нужное место в строю.

Однако при всех внешних различиях этих людей у них было немало общего. Мечислав Иванович Бедло-Зволинский, несмотря на свои давние польские корни, был настоящим русским офицером, до конца преданным воинской присяге. Как и Путилов, Зволинский прошел русско-японскую войну, был награжден боевыми орденами. Его авторитет среди сослуживцев и солдат был непререкаем. Подполковник от природы был несколько горяч и вспыльчив, зачастую резок, но бойцы его любили, потому что их «отец-командир» был строг, но справедлив, и для него уже упоминавшаяся здесь забота о солдате также не была простой формальностью и сближала его с Путиловым. При этом Зволинский был далеко не идеален. Он любил крепко выпить, причем водку пил только полными чайными стаканами, однако при этом никогда не хмелел; не считал зазорным принять подношение какого-нибудь заботливого отца, стремящегося устроить своего отпрыска призывного возраста в кузнецкую местную команду и тем самым спасти его от отправки на фронт.

Как-то само собой Путилов сдружился со Зволинским и даже позволял себе по-доброму подшучивать над приятелем. Так, нередко бывая вместе в гостях у хлебосольной кузнецкой четы Горбачевых, Павел Николаевич однажды весной подговорил хозяйку Веру Николаевну приготовить к их приходу пирожки с колбасой. Горбачева выполнила просьбу,

и довольный ужином подполковник с особым восхищением отзывался о ее пирожках. Смысл этой проделки заключался в следующем: Зволинский до этого не раз высказывался о том, что терпеть не может колбы и никогда не возьмет в рот даже кусочка.

Нередко Путилов со Зволинским приезжали на стрельбище, оборудованное в овраге за старым кузнецким кладбищем, и лично наблюдали за ходом учений. Солдаты стреляли в целом неплохо, но отдельные «индивидуумы» своей бездарностью к стрельбе выводили Путилова из душевного равновесия.

– Поручик, – обращался тогда генерал к командиру местной команды Александру Ковригину, – что это у тебя за боец жмурится?

– Солдат Васильев, ваше превосходительство!

– Васильев, – обращался генерал к лежащему на земле бойцу, – перестань при выстреле закрывать глаза. Ты же цель не видишь!

И когда поучения Путилова не достигали цели, он, не выдержав, просил передать ему винтовку, усаживался на землю, подогнув ноги калачиком, и с колена, почти не целясь, выбивал «десяточки». В такие моменты все солдаты, сгрудившись позади генерала, затаив дыхание, с завистью смотрели, как одна за другой падают пораженные мишени. Отстрелявшись, Павел Николаевич командовал солдатам «вольно» и заводил с ними разговоры про жизнь.

– Мечислав Иванович, – обращался Путилов к Зволинскому, – присаживайся с нами. В ногах правды нет.

Подполковник отнекивался:

– Куда ж я сяду?! Пузо-то какое!

И только под вечер старые друзья возвращались обратно в город.

Впрочем, Кузнецк обогатил Путилова не только новым общением. Здесь Павел Николаевич с удивлением и каким-то восторгом обнаружил в себе скрытые до того черты: стремление к природе, желание приобщиться к этому могучему источнику жизни. Проживая в Кузнецке, Путилов не раз выезжал на охоту в живописные окрестности города, на Долгие озера, где дикая птица так и просилась под меткий выстрел. Однако на охоте старый генерал не спешил нажимать на спусковой

крючок своего любимого зульского ружья работы саксонских мастеров середины XIX века. Он стремился насладиться дыханием природы, предпочитая любоваться ее прекрасными творениями. Пройтись с ружьем по озерам, а затем устроить вкусный пикник на его берегу – это ли не высшее блаженство! Добрая походная рюмка холодной водки из фляжки придавала этому мероприятию особую теплоту. Путилов не был закоренелым трезвенником, но всегда знал меру, никогда не переходил грань, отделяющую разумного человека от двуногого существа. Из этого же ряда было стремление Путилова окунуться в простой крестьянский труд, почувствовать приятную усталость от созидательной физической работы. Отсюда его неожиданные для многих кузнецан «чудачества»: имея кучера и специального работника, Павел Николаевич нередко сам по раннему утру, когда все домочадцы еще спали, убирал в конюшне и во дворе, лично выгонял коров на пастбище.

Путилову было уже 65, но в его суховатом на вид теле скрывалась нерастраченная энергия и сила. Генерал всегда с большим вниманием относился к спортивной подготовке солдат и офицеров, не исключая и самого себя. Будучи начальником кузнецкого гарнизона, он часто приходил на гимнастическую площадку местной воинской команды понаблюдать, как занимаются молодые бойцы. Путилову доставляло особое удовольствие видеть, с каким восхищением эти солдаты, подсадив к турнику его, невысокого старого генерала, который уже не может сам даже допрыгнуть до перекладины, начинают считать количество его подтягиваний: один, два, три... Да и сам он с доброй завистью любовался ловким двадцатилетним Петуховым, бывшим кадетом, который лихо, как заправский гимнаст, крутил на турнике «солнышко», вспоминая себя, молодого офицера, старавшегося быть лучшим во всем: в спорте, фехтовании на штыках, в стрельбе. Природная одаренность плюс целеустремленность и огромная сила воли позволили Путилову без связей при дворе и протекже добиться всего, к чему он стремился. Служить своему Отечеству на воинском поприще – в этом он видел свой идеал и свое предназначение. И вот теперь в Кузнецке, когда разгорелась война, его родине вновь потребовались его опыт,

умения и знания. Так тогда ему казалось. Однако та война, в которую втянулся сейчас Путилов, не была похожа ни на одну из его предыдущих.

В конце 1918 г. в Кузнецке стали фиксировать первые случаи вооруженного нападения на солдат путиловского гарнизона, сначала в тайге, а затем отдельные группы партизан, как они себя называли, стали совершать вылазки и по деревням. Все чаще и чаще в оперативных сводках появляется фамилия Рогова, с именем которого начали связывать все партизанские налеты в причумышской тайге, превратившейся в горячую точку и «головную боль» кузнецких военных властей. Путилов помнил, как после торжественного рождественского молебна в соборе он выстроил возле него всю местную команду и впервые тогда произнес о Рогове перед своими солдатами и офицерами короткую, но яркую речь, которую закончил словами:

– Вот в тайге образовалась банда красных с Роговым во главе. Это хулиганы! Захотели власти. Но мы стоим за Русь!

Однако то, что вначале казалось отдельными грабительскими вылазками, к весне девятнадцатого стало приобретать черты повсеместного возбуждения, где зачастую старый бердан крестьянина становился последним аргументом в его споре со ставшей ненавистной ему теперь властью.

В этих условиях для усиления местного гарнизона, до этого состоящего только из одной кузнецкой воинской команды в количестве 127 бойцов (здесь служили добровольцами и призванными по мобилизации кузнецане, а главным образом – жители окрестных деревень), в конце мая 1919 г. из Бийска прибыл 62-й стрелковый батальон. Прибывший отряд состоял из трех рот (10-й, 11-й и 12-й) во главе со штабс-капитаном Скуратом, высоким, худощавым, всегда подтянутым кадровым офицером, бывшим чехословацким военнопленным австро-венгерской армии. Хлопот у Путилова, в чьем распоряжении теперь было более 350 солдат и офицеров, прибавилось. Все чаще бойцы батальона, как правило, из одиннадцатой роты, считавшейся самой надежной и образцовой, посылались для борьбы с партизанами. При этом Путилов оставался верен своим принципам: воевать только с

теми, кто с оружием в руках выступил против существующей власти. Он был категорически против примерять на себя роль карателя по отношению к местному населению.

Между тем сибирские власти требовали в условиях полномасштабной междоусобицы именно таких «решительных» мер. К июлю 1919 г. пребывание Павла Николаевича, так и не пересмотревшего своего отношения к использованию военной силы, в должности начальника кузнецкого гарнизона было признано несколько нежелательным, поэтому свыше поступило предложение заменить его другой кандидатурой. Для широкой общественности это решение было преподнесено как добровольный отказ генерала от тяготящей его должности в связи с преклонным возрастом.

По случаю передачи полномочий был устроен специальный прощальный банкет в офицерском собрании, размещенном в доме купца Красимовича по переулку Базарному. Сам владелец единственного в Кузнецке пивоваренного завода Иван Матвеевич Красимович, некогда ссыльный поляк, разбогатевший здесь благодаря своему предпринимательскому таланту, уже давно умер. Но его дело продолжали вдова Софья Фабиановна и зять. Красимовичи владели одним из лучших в Кузнецке домов, но особую привлекательность и неповторимость этой усадьбе придавал великолепный большой сад, сравнимый в городе только с прекрасной искусственной рощей возле дома покойного купца С.Е.Попова, высаженной некогда его стараниями (ныне на этом месте Кузнецкий СИЗО).

Большой сад Красимовичей пересекали многочисленные дорожки, выложенные плитками, удобные беседки могли укрыть в тенистой прохладе всех желающих, а на центральной площадке, куда сбегались тропинки, разместилась резная, в полный рост, скульптура сибирского медведя, стоящего на задних лапах. Здесь же уютно примостился на правах домового церкви небольшой католический костел (Красимовичи, как и все поляки, были католиками). С наполнением Кузнецка военными Софья Фабиановна любезно предоставила свой дом для офицерского собрания, ограничившись символической оплатой.

В тот памятный прощальный сентябрьский вечер у Красимовичей собрались практически все офицеры гарнизона. Здесь были командиры батальонных рот поручик Замашиков, прапорщик Миловидов и капитан Кузнецов, их помощники прапорщики Скориков и Шапошников, командир местной команды поручик Ковригин с заместителем прапорщиком Ковалевским, офицеры штаба и контрразведки.

Речь взял командир батальона Скурат, произведенный по случаю назначения в капитаны. Он сообщил собравшимся, что по просьбе генерал-лейтенанта Путилова тот освобождается от обязанностей начальника кузнецкого гарнизона, которые возлагаются на самого Скурата. Последние слова капитана, в которых он поблагодарил Путилова за службу, утонули в бурной овации. Генерал произнес ответную речь, заиграл оркестр, знаменуя тем самым, что формальность соблюдена и можно переходить к банкетной части.

Для Павла Николаевича было большим облегчением снять с себя давивший его все последние месяцы груз ответственности. Но ему было горько осознать, что теперь, когда его, пусть и с почестями, отодвинули в угол, он уже не сможет повлиять на те решения, которыми будет руководствоваться новоиспеченный начальник гарнизона. В том, что они будут жесткими и даже жестокими, Путилов не сомневался.

Павел Николаевич, чтобы как-то отвлечься от этих невеселых мыслей, решил разыграть партию в бильярд. Он уже давно заметил, что эта офицерская забава, в которой он достиг немалого мастерства, всегда положительно влияла на его душевное равновесие. Увидев освободившегося от игры молодого солдата – музыканта духового оркестра (представившегося Владимиром Константиновичем Попугаевым), генерал предложил ему партию и с блеском выиграл. Потом еще и еще...

Когда в лузу закатился последний шар, была уже глубокая ночь и последние захмелевшие офицеры покидали гостеприимный дом пани Красимович.

Вечером 2 декабря 1919 г. на Барнаульском тракте можно было увидеть группу из

восемью всадников, гнавших вскачь своих лошадей от Кузнецка на Тогул. Но ближе к Алтаю дорога становилась все более рыхлой. В районе деревни Тогульское Зимовье выпал глубокий снег, и ехать рысцой для лошадей стало тяжело. Отряд находился в пути уже несколько часов. Чувствовалось, что и люди, и животные предельно измотаны. Ближе к ночи на подходе к лесному кордону отряд заметил вооруженных людей возле костра. Как оказалось, это был передовой охранный форпост одного из партизанских отрядов под командованием Белокобыльских. Партизаны разоружили кузнецких посланцев, забрали лошадей и под конвоем отправили прибывших делегатов в деревню Зимовье, где разместился штаб отряда.

Командир соединения Максим Белокобыльских, крепкий молодой человек лет двадцати семи, среднего роста, сам бывший фронтовик, уже несколько месяцев партизанивший в причумышских лесах, с большим недоверием отнесся к рассказу кузнецчан о происшедшем восстании. Он вполне резонно посчитал, что это очередная провокация колчаковской контрразведки и его отряд хотят заманить в ловушку.

Впрочем, Василий Аржаных не зря набрал в отряд уроженцев алтайских деревень: солдат Дехтярев был родом из деревни Зимовье, местные жители узнали его, и это в некоторой степени вернуло доверие к словам кузнецчан. Наконец, в который уже раз расспросив прибывших о подробностях восстания, Белокобыльских, обращаясь к своему начальнику штаба Скрылеву, спросил:

– Что скажешь, Роман Прокопьевич?

Скрылев, одногодка Белокобыльских, участник боев с турками на кавказском театре военных действий Первой мировой, награжденный солдатским «егорием» за пленение двух османских офицеров, отличался не только смелостью, но и рассудительностью.

– Надо бы, Максим Захарович, проверить информацию.

– Я тоже так думаю, – Белокобыльских встал, одергивая свой полушубок из дубленых красных овчин. – Вот что, товарищи, – обратился он к кузнецким нарочным, – сейчас располагайтесь на ночлег, отдохните. А завтра утром поступим так: товарищ Рогов

в настоящее время со своим штабом находится недалеко отсюда в деревне Бурановой, к нему мы отправим двух человек; трех человек из вас, в том числе Дехтярева как местного жителя, я оставляю при своем батальоне в качестве заложников – простите, братцы, но на войне как на войне. Остальные трое вместе с моей разведкой отправятся обратно в Кузнецк.

Довольный таким поворотом событий Куртуков облегченно вздохнул и тут же при штабе уснул.

Утром третьего декабря судьба принесла Путилову неожиданную встречу в лице его нового сокамерника Георгия Ивановича Хомутова, фельдфебеля кузнецкой местной команды. Отношения Путилова и Хомутова уже давно вышли за рамки субординации. Хомутов был из числа «путиловцев», то есть тех, кто вместе с генералом прошел всю тяжелую японскую войну, кто в одном с ним окопе не раз смотрел смерти в лицо. После японской кампании Хомутов демобилизовался и генерал потерял его из виду, и каким же счастьем для обоих стала их новая встреча, теперь уже в Кузнецке, когда Хомутов, сам уроженец села Христорожественское, осенью 1918 г. был назначен в местную воинскую команду. К этому времени Георгий Иванович успел повоевать на германском фронте, получить второго «егория» и ранение в ногу, впрочем, не выбившее его из строя. И хотя последний раз они виделись незадолго до переворота, эта новая встреча оказалась не менее трогательной, чем первая, прошлогодняя, – пусть и с неизбежным привкусом горечи: еще три дня назад трудно было представить, что тюремная камера превратится в их общий дом.

Не успела закрыться железная дверь застенков, как два старых солдата, генерал Путилов и фельдфебель Хомутов, горячо обняли друг друга, не скрывая радостного волнения и влажных глаз.

– Как ты, Егор? – спросил Путилов, держа за плечи своего боевого товарища. – Жив-здоров?

– Слава богу, Павел Николаевич. Все обошлось. Хотя в ту злосчастную ночь был на волосок от гибели.

– Расскажи, что знаешь. А то до меня здесь даже слухи не доходят.

– Все началось после полуночи. Я уже уснул, вы же знаете, у меня в казарме своя отдельная каптерка есть. Так вот, просыпаюсь от шума и суеты, потом – выстрел. Выскакиваю в ротное помещение, а там паника, беготня. Ищу прапорщика Ковалевского – он в эти сутки был дежурным, забегаю в канцелярию, а он уже под койкой застреленный лежит. Все солдаты во двор высыпали, кое-как в строй становятся. Я им кричу: «Куда ж вы, братцы, без командиров? Вернитесь!», а на меня один солдат, не наш – из десятой роты, Губанов, кажется, винтовку наставил, затвор взвел, глаза злые, безумные, ну, думаю, сейчас пальнет, да братцы наши заступились, дуло в сторону отвели, вот Бог и милывал от смерти. Затем бойцы наши с пришедшей группой солдат из десятой роты отправились на Базарную площадь, к казармам батальона. Похоже, Скурат быстро сориентировался в обстановке, организованно вывел солдат 11-й и 12-й незадействованных в бунте рот на площадь, выстроил их цепью и уложил на снег, здесь же установил два пулемета. В общем, действовал он грамотно. Я шел за нашей командой и видел, что ряды ее начинают постепенно редеть, и до площади дошло не более половины, остальные предпочли наблюдать со стороны, чем кончится дело, кое-кто перебрался к комендатуре, где оставшиеся офицеры создали оперативный штаб по борьбе с бунтовщиками. Но, похоже, они были в полной растерянности. Один Скурат действовал хладнокровно. И вот, когда, стоя на крыльце шутовского магазина, он отдавал приказы, со стороны подошедшей группы солдат из десятой роты раздалось несколько точных выстрелов. Скурат получил ранение (не знаю, то ли в живот, то ли в бедро), но сумел найти в себе силы скрыться в сторону Подгорья. После этого никто из оставшихся офицеров ничего разумительного предпринять не мог. Да они попросту разбежались! Тогда со стороны восстанщиков раздались крики в адрес залегших рот: «Сдавайтесь!», «Мы ваши товарищи!», «Бейте офицеров!» – и все в таком духе, и началось массовое братание солдат батальона и местной команды. После этого бойцы отправились на крепость, выпустили

всех заключенных, создали так называемый ревком, арестовали Зволинского, вас и еще нескольких офицеров. Кое-кого убили, знаю, что застрелили Миловидова, Амшинского, Кешева, еще человек пять из штаба и контрразведки. Остальным, похоже, удалось бежать. Меня поначалу не тронули, а сегодня утром поступило распоряжение из ревкома взять меня под арест.

Путилов слушал внимательно, не перебивая, лишь сокрушенно качая головой.

Тем же утром возле штаба партизанского отряда Белокобыльских царило оживление. Фыркали лошади, партизаны внимательно осматривали снаряжение, проверяли оружие. Вышедший во двор Белокобыльских подозвал к себе начальника разведки Чистякова.

– Иосиф, твоим ребятам в помощь даю несколько человек из первого эскадрона Черкасова. В Кузнецке прощупайте ситуацию и быстро возвращайтесь обратно. Мы будем уже под Тогулом. Если сможете, прихватите с Кузнецкой крепости большую пушку – нам она может пригодиться при осаде тогульской церкви. Не мне тебе объяснять, в какую цитадель ее превратили белые.

– Сделаем в лучшем виде, командир, – ответил Чистяков, ставя ногу в стремя и запрыгивая в седло.

– Да, и еще, – доверительно начал Белокобыльских. Чистяков наклонился к нему вперед. – Черкасов тоже едет вместе с вами. Ты присмотри там за Поликарпом. Сам знаешь, боец он отменный, да вот заносит его на поворотах...

Чистяков кивнул. Он знал, о чем идет речь. Командир первого эскадрона отряда М.З.Белокобыльских Поликарп Алексеевич Черкасов отличался огромным ростом, большой физической силой, разгульным и скверным характером. Впрочем, само по себе это не представляло большой беды. Но в последнее время Черкасов все чаще нарушал дисциплину, а главное, начал открыто декларировать свои анархистские устремления, угрожая уйти со своим эскадроном в отряд партизана Новоселова, известного на Алтае и в Кузбассе своими идеями под черным знаменем анархии.

Подали кошеву, запряженную парой лошадей, куда забралось трое кузнецких делегатов, и небольшой отряд из тридцати верховых партизан во главе с Черкасовым и Чистяковым выехал в направлении Кузнецка.

Впереди рядом с Черкасовым ехал верхом его неизменный боевой товарищ и собутыльник Яков Расщупкин. Пришпорив коня, он повернул к едущей сзади кошеве и, поравнявшись с ней, спросил у Куртукова:

– Так ты говоришь, Путилов арестован и сидит в тюрьме?

– Когда мы уходили, было так.

Лицо Расщупкина растянулось в довольной ухмылке. Вернувшись к Черкасову, он не мог скрыть своей радости.

– Ты чего?

– Да так, должок скоро отдам одному приятелю, – процедил Расщупкин, и лицо его исказила злобная усмешка.

Отряд ехал не спеша. В каждой деревне по пути в Кузнецк – Томский завод, Таловка, Березовка, Бунгур, Араличево и Бессоново – Черкасов, открывший в себе дар оратора, организовывал митинги, на которых призывал селян вливаться в его отряд на борьбу «с беляками», при этом что-то говорил об анархии, весьма сбивчиво и непонятно. В Березовке он устроил показательный процесс, казнив местного купца Окорокова за «связь с Колчаком и предательство».

Пятого декабря в три часа пополудни нестройной толпой, в которой преобладали уже местные жители из окрестных деревень, вооруженные самым причудливым образом – вилами, нагайками и дробовыми ружьями, черкасовцы въехали в Кузнецк.

Василий Аржаных зашел в ревком, чтобы доложить Афанасию Иванову о выполнении задания Куртуковым и прибытии в Кузнецк партизан отряда Белокобыльских, список которых он собирался передать председателю.

– Да знаю я о твоих партизанах, – перебил его Иванов. – У меня только за последний час уже двое жалобщиков на них побывало. Только уголовников разоружили, – посетовал Иванов, имея в виду, что в ночь переворота из тюрьмы были освобождены заключенные и этой категории и, также как и остальные восстанщики, получили доступ

к оружию, – как новая напасть. Похоже, вы были правы, товарищи, – продолжил Иванов, обращаясь не только к Василию, а и к сидевшим здесь же Ивану Суховольскому и членам ревкома, – мы ввязались в опасную авантюру с этими «народными мстителями». Пользы – на полушку, убытку – на целый. Впрочем, уже поздно что-то менять.

И после небольшой паузы продолжил:

– Мне доложили, что скоро, наверное уже в ближайший час, в Кузнецк прибывает отряд партизан Толмачева. Сейчас они вышли из Апанаса. Товарищ Суховольский, организуйте встречу отряда на Базарной площади. Сзовите людей, приготовьте оркестр. Музыканты, надеюсь, не разбежались?

– Пока нет, – усмехнулся Суховольский.

– Хорошо. Впрочем, это все лирика. Как вы понимаете, сейчас главный вопрос – это отправка солдат гарнизона из города. Товарищ военком, – обратился Иванов к недавно введенному в состав ревкома жителю Новорождественки Роману Тимофеевичу Тагаеву, – сколько человек набирается в составе сводного кузнецкого отряда?

– На данный момент человек 200-220.

– Кто возглавит отряд?

– Есть предложение назначить командиром унтер-офицера местной команды Александра Петухова.

– Направление отряда?

– В район села Бачаты. По последним данным туда подошел карательный отряд капитана Орлова. Выступим им навстречу.

– Ну что ж, – попытожил Иванов, – времени остается совсем немного. – И, обращаясь к военным, сказал: – Готовьте отряд и сегодня же вечером выводите людей из Кузнецка.

Когда Аржаных и Суховольский вышли, Иванов продолжил:

– Мне еще вчера Георгий Бессонов, тот, что сейчас исполняет обязанности командира местной команды, передал бумагу, решение по которой я обещал принять на сегодняшнем заседании. Это бумага, вернее, петиция солдат местной команды с просьбой освободить из-под стражи фельдфебеля Хомутова и подполковника Зволинского. Мол, эти командиры всегда уважительно относились к солдатам, и так далее. Вот, около ста подписей, обещают взять на поруки.

Непродолжительное, но горячее обсуждение этого вопроса закончилось решением: Хомутова из тюрьмы освободить, а Зволинского, равно как и генерала Путилова, оставить под стражей до особого постановления ревкома.

Уже в скором времени это распоряжение было исполнено. Георгий Хомутов, на прощание обнимая генерала, незаметно для надзирателя переложил из голенища своего сапога в карман генеральской шинели небольшой нож.

– Зачем же, братец, мне нож? – удивился генерал.

– Чем черт не шутит, Павел Николаевич, в тюрьме все пригодится.

– Как же ты его пронес в камеру?

– Надзиратели здесь теперь почти все молодые, неопытные. Вот и взял на удачу, авось пронесу. Теперь он мне ни к чему. Ну, удачи вам, генерал, даст Бог, свидимся!

– Прощай, Егор. Храни тебя Бог!

...Ровно в пять вечера этого же дня многие собравшиеся на площади кузнецкие встречали приветствиями и звуками оркестра поднимающихся со взвоза партизан Толмачева. Их было около ста человек. Одетые в полушубки, шабуры и валенки, с берданами через плечо, они мало походили на тех, кто мог бы отстоять город.

После короткого митинга, устроенного на площади командиром отряда Иваном Ефимовичем Толмачевым, его бойцы проследовали в сторону дома Красимовича, где теперь расположилось общежитие.

Спустя два часа вечерние сумерки этого же дня накрыли уходящую в направлении села Христорожественского длинную вереницу подвод с военными служащими кузнецкого гарнизона. Среди тех, кто покидал город, был и Георгий Хомутов.

Иван Федорович Вилисов мог только подивиться превратностям своей судьбы. Еще несколько дней назад он служил самым что ни на есть рядовым надзирателем, и если бы ему тогда кто-то сказал, что вскоре он станет во главе этой самой тюрьмы, он бы просто посчитал это нелепой шуткой. События в ночь на второе декабря перевернули всю прежнюю иерар-

хию города. Прежний начальник тюрьмы полковник Цвех был убит восставшими солдатами, все бывшие узники получили свободу, а короткий митинг по этому поводу здесь же на тюремном дворе закончился дружными выкриками фамилии Вилисова как единственно возможной кандидатуры на пост начальника тюрьмы. Сидеть без дела ему не пришлось. Опустевшие камеры вскоре стали заполняться новым контингентом из числа офицеров и сотрудников колчаковской милиции.

Вилисов уже более четырех суток не покидал крепость, почти все время был на ногах, ел и спал урывками. Он очень устал и рассчитывал сегодня, 5 декабря, вечером хорошо отдохнуть, помыться в бане и выспаться. Когда последняя подвода с солдатами местного гарнизона миновала Кузнецкую крепость, Вилисов собирался уже было передать дела своему помощнику Трофиму Голеву (единственному оставшемуся из старых надзирателей и жившему тут же при тюрьме), как вдруг со стороны дороги послышались голоса и лошадиное ржание. Выйдя на тюремный двор, Иван Федорович увидел, как группа вооруженных людей остановилась возле запертых ворот и громким криком, перемежающимся с крепким матом, потребовала отпереть их. Охрану крепостной тюрьмы, как и до переворота, несли солдаты местной команды – из тех, что остались в охране города. Однако видя решительность пришедших, Вилисов предпочел выполнить их приказ. Шумной ватагой пришедшие, вооруженные винтовками, а некоторые также наганями, ворвались на тюремный двор. Это оказались партизаны. Один из них, среднего роста, с широким мрачным лицом, подошел к Вилисову и спросил:

– Ты здесь старший?

– Я.

– Как зовут?

– Вилисов. Иван Федорович. Начальник тюрьмы.

– А я командир партизанского отряда Толмачев. Вот что, Вилисов, проведи-ка нас по камерам. Хотим взглянуть, что за контра у вас тут сидит.

Вилисов сходил за ключами, списками заключенных и повел партизан внутрь

тюрьмы. За Толмачевым следовали два саженого роста мужика. Как понял из их разговора Иван Федорович, старшего из них звали Черкасов, а второго, помоложе, Расщупкин. Замыкали группу еще два партизана из отряда Толмачева.

Открыв первую камеру, Вилисов начал зачитывать по списку фамилии арестованных: Трофимов, Кочуганов... Не дослушав его, Толмачев, заметно нервничающий, вдруг разулся, засучил до колен штанины, обнажил свои ступни и направил на них свет керосиновой лампы. Стало хорошо видно, что вместо пальцев у него обрубленные култышки.

– Вот, посмотрите на мои ноги, – закричал он, обращаясь к заключенным, – я их обморозил на фронте, куда загонял меня проклятый царизм. Царь и его генералы издевались над простым народом, над нами – солдатами. Они хотели погубить русского солдата, превращали нас в пушечное мясо, гноили в окопах, гнали в жару и холод под пули! – Было видно, что Толмачев возбужден до крайности. Он кружил по камере, махая своими култыпками перед лицами замерших в оцепенении узников. Им казалось, что их минуты сочтены. Но Толмачев, не найдя того, кого искал, повернулся к Вилисову и прохрипел:

– Показывай, где у тебя генерал сидит.

– Это в другом коридоре, – ответил начальник тюрьмы, и вся группа последовала за ним к одиночной «камере Достоевского». Разгоряченный Толмачев даже не стал обуваться, пробежав по снегу вдоль здания ко второму крыльцу босиком.

Павел Николаевич Путилов сидел за столом, когда услышал в коридоре возбужденные голоса, и вскоре в его открывшуюся камеру ввалилась группа партизан. Иван Вилисов, стоявший позади пятерки, предчувствуя самое худшее, поспешил выскользнуть из застенка и осторожно прикрыл дверь. В камере сразу стало тесно и душно.

Путилов поднялся. Его согревала шинеель – печи топили плохо и в камере было прохладно. Но сейчас, глядя в недобрые озлобленные лица вошедших, генерал почувствовал, как холодок пробежал по его спине. Интуитивно он нащупал спрятанный на боку хомутовский нож.

Впереди стояли трое: Толмачев, Черкасов и Расщупкин. Первый из них, сверля глазами генерала, зло спросил:

– Узнаешь?

Павел Николаевич хранил молчание.

– А я тебя, ваше превосходительство, хорошо помню. Помню, как в японскую ты меня и товарищей в окопах морозил. Вот, посмотри генерал, что ты и тебе подобные сделали из меня. Но вам этого было мало. Ты старался меня и других вконец изничтожить. Настало время расплаты.

Путилов, не теряя хладнокровия, внимательно всматривался в лица партизан, но не мог обнаружить среди них знакомых ему людей.



И.Е. Толмачев. Фото 1930-х гг.

– Иван, – вдруг обратился к Толмачеву Расщупкин, – позволь, я выведу эту царскую гниду. Уж больно руки чешутся.

«Вывести» на языке партизан означало казнить. А когда Толмачев утвердительно кивнул головой, Расщупкин вытащил шашку и, повернувшись к Путилову, процедил:

– На колени.

Внутреннее волнение, все это время охватывавшее Путилова, вдруг отступило куда-то на второй план. Голос его был тверд, он смотрел прямо, не опуская глаз, в искаженное ненавистью лицо партизана.

– Русский офицер на колени не встает, – четко выговаривая каждое слово, сказал генерал.

– На колени! – почти в истерике завизжал Расщупкин.

Путилов стоял не шелохнувшись.

– Ну, тогда мы тебя так, – приговорил желающий поучаствовать в расправе Черкасов, взмахивая над головой генерала обнаженной шашкой. Громадный рост Черкасова позволял ему сделать широкий замах и вложить в удар всю свою бычью силу. Казалось, участь Путилова была предрешена. Однако именно сейчас на мгновение торс палача оказался открытым. Следующее движение Путилова стало совершенно неожиданным как для его убийц, так и, вероятно, для него самого. Скорее, это был инстинктивный рывок, выработанный многолетней воинской выучкой, чем осознанный поступок. В легком приседе, словно атакуя штыком, Путилов резко выбросил вперед левую руку, сжимающую рукоятку ножа, в направлении противника.

Но уйти от удара шашки было уже невозможно. Даже потеряв свою направленность, лезвие клинка со страшной силой пришлось по левому краю головы, срезая, как бритвой, кости черепа. Генерал покачнулся и стал оседать, заваливаясь навзничь. Его живые блестящие глаза вдруг покрылись мертвящей, словно ледяной, тонкой прозрачной пленкой. Враз высохшие губы в последнем движении выдохнули слово, чей смысл был понятен только ему одному: «Паша...».

– Вот, старичье, – просипел Черкасов, ощупывая свой живот. К счастью для него, острие ножа не достигло своей цели. – Вот, старичье, – все еще ошеломленный, повторял Черкасов, стягивая с поверженного генерала его шинель.

– Куда она тебе, Поликарп? – спросил Расщупкин. – Мала же.

– Тебе отдам. Вот только сейчас еще одну контру полковничью выведем, – ответил Черкасов, имея в виду подполковника Зволинского.

Расплывшееся на воротнике голубой генеральской шинели алое пятно крови смешалось с красным цветом ее подклада...

...Труп Павла Николаевича Путилова, сброшенный надзирателями тюрьмы после его убийства в ров за крепость, спустя несколько дней был перевезен, теперь уже вместе с многими жертвами рогов-

ского террора, в Поганый лог, и только в двадцатых числах декабря благодаря усилиям старой, преданной чете Путиловых экономки, а также вернувшегося в Кузнецк Георгия Хомутова был скромно, но с большой человеческой теплотой и искренностью похоронен на кузнецком кладбище. Пожалуй, первый раз в жизни Георгий Иванович не стыдился и не прятал обжигающих его слез, бегущих по щекам.

Молох кровавой междоусобицы не знает пощады: рядом с захоронением Путилова разместились две свежие могилы ставших родными ему людей – подполковника Мечислава Ивановича Зволинского, расстрелянного Черкасовым и Расщупкиным сразу после убийства генерала, и Прасковьи Александровны, зарубленной в трагические дни «роговского произвола» через несколько дней после смерти ее любимого человека.

По-разному сложились судьбы людей, оказавшихся связанными с последними мгновениями жизни и смерти генерала Путилова.

Убийца Поликарп Черкасов за свои кузнецкие «похождения» отделался только отрядным судом, разжаловавшим его в «рядовые партизаны». Однако, как рассказывали знавшие его люди, страх за содеянный поступок всю оставшуюся жизнь преследовал этого человека. В 1967 году, будучи уже стариком, он покончил свою жизнь самоубийством на почве мании преследования.

Иван Толмачев, выехавший на следующий день с отрядом из Кузнецка, «не забыл» прихватить с собой несколько подвод конфискованного из купеческих домов добра, а также спирта для, как потом разъяснял сам Толмачев, партизанского «госпиталя» (которого ни до, ни после этого никто не видел). После Кузнецка Толмачев засветился в заключительном акте тогульской драмы (конец осады церкви, пленение и массовая казнь колчаковского гарнизона). В 1920-30-е годы пребывал на хозяйственной работе. В 1937-м угодил под репрессии (впрочем, «кузнецкий эпизод» в вину ему не ставился), отсидел часть срока, умер в 1958 году.

Георгий Хомутов после этих событий продолжал жить и трудиться в Кузнецке

вплоть до 1937 года, когда он, как и многие десятки его земляков, хоть как-то «засветившихся» в свое время в белом движении, был арестован органами НКВД и на родину больше не вернулся. Судьба его до сих пор остается неизвестной.

Иван Вилисов после своего десятидневного «верховенства» кузнецкой тюрьмой (10 декабря вошедшие в город роговцы сожгли тюрьму, зарубив всех заключенных) уже никогда больше не занимал высоких руководящих постов, довольствуясь скромной должностью рабочего КМК, а в последующем – Кузнецкой ТЭЦ. Умер в середине 1980-х гг., прожив около девяноста лет.

Последние двадцать четыре часа жизни Путилова окончились...

И все же, каким был Павел Николаевич Путилов? Может, по прошествии времени мы, теперешние, слишком «героизируем» личность генерала? Может, выдаем желаемое за действительное, превращая обычного человека в героя НАШЕГО времени?

Дадим слово Николаю Полосухину, брату нашего легендарного земляка, защитника Москвы на Бородинском поле Виктора Ивановича Полосухина. Николай Иванович, сам искренний коммунист и исключительно принципиальный человек, убежденный враг белогвардейского движения, лично принимавший участие в боях против колчаковцев, нашел в себе мужество еще в 1957 году дать такую характеристику Путилову: «Это был подлинный русский патриот, один из тех генералов, которые искренне дрались за русский флаг». Эти слова из чужого по отношению к Павлу Николаевичу лагеря многого стоят. Впрочем, «чужая» здесь только наносная идеология. Для любого честного, мыслящего человека, будь он из «красного» или «белого» движения, такие понятия, как «Честь» и «Родина», остаются незыблемыми во все времена. Надо только оставаться Человеком.

Таким, каким был Павел Николаевич Путилов.

*П.П. Лизогуб,
заместитель директора
по научной работе
Новокузнецкого краеведческого музея*